

Tul_05_031

Тульчин. 15.07.05.

Инф.: **Свиридов Григорий** (СГ), 1950 г.р., местный.

Соб. С.Н. Амосова, С.В. Николаева.

СТОРОНА А:

Соб. В Кабцунивке?

СГ: Жили тоже, но поменьше жили, в основном этот участок, эта часть, ну будем говорить так от базара, вот эта вся сторона шла еврейская, там почти все дома были еврейские.

Соб. А дома еврейские как-то отличаются, на внешний вид?

СГ. Было, было, старую часть домов, именно кирпичных вы можете увидеть, идя, шас по левой стороне кончается базар, и там написано: «Продается хата». Значит, с чем, с чем там связано, значит, одно – двухэтажные, вот, внизу обязательно должны быть погреба, чтоб там хранение какое-то было, там все это такое держали.

Соб. А еще признаки, кроме погребов?

СГ: Ну-у, особо они, если поменьше какие-то домики, особенно, если не на главной, а каких-то бедных евреев, за домом, сейчас, конечно, тяжело это, за домом они не смотрели, за домом, он был немножко в состоянии таком обшарпаном [смеется]. У них в основном беспокоились шоб было шо поесть, здоровье, то сё, а дом как-то так, а взять, чем украинцы отличались и от русских, что шо хатки все были вымазанные, расписанные

такие выбеленные, этим отличалось.

Соб. А мы вот смотрим, ходим, на домах такие крестики нарисованы?

СГ: На дверях крестики, вроде, как проходил священник, водокрещенье было или еще что-то, он освятил дом, нарисовал крестик.

Соб. А это священник, кто попросил?

СГ: да, да, это не то что знак, это так [смеется]

Соб. А на еврейских домах?

СГ: ну освятил да и освятил.

Соб. А на еврейских домах ничего не ставили, не рисовали?

СГ: ни чего не рисовали, если вы имеете в виду, где-то фашистские там свастику, ничего.

Соб. Нет, мы имеем в виду, что у православных крестики рисуют, а евреи что-нибудь свое?

СГ: Крестик они не поставят, будут ставить это звезду Давиду, это шести... А креста у них нет, на кладбище только звезда Давида.

Соб. А с кем из ваших соседей еще можно поговорить?

СГ: С Тульчина практически старожиллов никого не осталось, приезжали с сел.

Соб. А вот тут люди?

СГ: А это приехали с села, так что...

Соб. А можно узнать как вас зовут?

СГ: Григорий.

Соб. А фамилию?

СГ: Свиридов.

Соб. Спасибо.

СГ: А Святелик он вам расскажет глубокую историю и прочее, и прочее. А у него в корнях тем более кто-то, раньше скрывали еврейство, ну кто-то был или мать, или кто-то, так что он в ту сторону. Тем более что он иврит изучает. Такое ходил на эти занятия.

Соб. А раньше скрывали, что?

СГ: Ну да-а, немножко, что это, это Советская власть хотела всех сделать одной национальности, вот [смеется] А так как евреи очень все-таки дорожили это, дорожили, ну своей это религией, надо оставаться евреями, не расплытаться, вот больше их прижимали, возможно, за это.

Соб. А вот Вы говорили, что разговаривали, что кто-то был в гетто [нрзб.]

СГ: есть, но не каждый скажет, не каждый будет вам рассказывать то, что есть, потому что ну, кому-то выгодно быть мучеником, те, которые действительно пострадали, то тех нету, тех, кого прошло стороной, те делают себя мучеником. Пострадали, конечно, люди пострадали.

Соб. А может есть кто?

СГ: ну вот с Могилевской, она вам все расскажет. Это, конечно, это история, все, и возраст такой, тоже еще, может еще, тут до, до войны немножко по-другому школы были, вот, потому что первая не сразу было, вторая не сразу тоже было, может какие-то даты перемещения. Ну все?

Соб. Все. Спасибо. Спасибо Вам большое.

ПФ – 31. Тульчин. 15.07.05.

Черныш Светлана (ЧС), 1945 г.р., род. в г. Биробиджан.

Инф.: Соб. С.Н. Амосова, С.В. Николаева.

ЧС: Он военный был, послали его на фронт, он погиб, оттудова, а мать переехала с детьми сюда.

Соб. После войны?

ЧС: Да, мы маленькие все были, и братья все повымирили, все повымирили, никого не осталось.

Соб. Нам рассказывали, что во время войны [нрзб.]

ЧС: Тут румыны, тут бендеры.

Соб. А вот, говорят, что при румынах вроде бы ничего было? При румынах полуЧСе, чем при немцах?

ЧС: Я не знаю, я войны не видела, я же маленькая была, родители рассказывали, что японцы, они там шли.

Соб. А Вы сюда после войны?

ЧС: да, здесь мамин отец был, на Володарской жил.

Соб. А Володарская это?

ЧС: Это здесь. Вот.

Соб. Это старая часть города?

ЧС: Ну новая туда идет. Здесь еще Сталина была улица, потом Гагарина.

Соб. А нам еще сказали, что такой район Кабцунивка?

ЧС: А, [смеется] это село такое.

Соб. Село?

ЧС: да.

Соб. А где?

ЧС: далеко отсюда, надо на автобусе ехать, это вам надо попасть в музей, попросить там, они могут дать вам, кто занимается, экскурсоводов. О, Витя, у меня сейчас дочка приехала с семьей, дочка в отпуск с внучкой, девочки, а вы не знаете, куда там можно поступить? Она в Новом Уренгое.

[пауза]

ЧС: Так колодцы, три колодца, где его солдаты пили, дерев, деревня [нрзб.], а тут, тут ничего нету, тут вообще.

Соб. Ну все равно это ведь старый город?

ЧС: ну и что? Этот город – помойная яма.

Соб. А вот здесь какое население раньше жило?

ЧС: Здесь?

Соб. Да.

ЧС: Украинцы, узбеки, и-и большинство украинцы, узбеки, цацапы и грузины, нацмены, кто хочешь.

Соб. Цацапы – это кто?

ЧС: ну-у русские, яко цапы такие, а евреи все повыезжали.

Соб. А евреев много было?

ЧС: евреев много было, он повыезжали, никто здесь почти, не то, что когда мы приехали, хата на хате было. В общем, квартира на квартире. Все продали, продали, повыезжали, те повымирали тут, молодые поехали, так хорошо, где нас нет.

Соб. Все уехали?

ЧС: Молодежь уехала.

Соб. А там-то как живет им?

ЧС: Ой, там поехала одна, я на обуви работала, одна бухгалтерша, терракт был, трамвая или автобус разорвало ее в куски, мужу выбило глаза, дочка осталась, и мать при смерти, и муж слепой. Поехала туда. Че ехать!?! Такая, тут вон такая жара, невозможно дышать, даже покупаться негде, все, все засорено, покупаться негде.

Соб. А Вы приехали еще много евреев было?

ЧС: А мы приехали в 50-м году, я еще в садик ходила.

Соб. И тут община была или как?

ЧС: Община и сейчас есть.

Соб. А тогда была?

ЧС: Тогда не было, община началась лет 7 – 8 тому, община началась.

Соб. А в общине много народу?

ЧС: А вы шо не были там?

Соб. Мы не были, мы сами не знаем.

ЧС: Сейчас община есть, вот вы придете в воскресенье, спрошу, пойду там, пойду, там э-э делают шаббат, там ходят, читают молитвы, я не понимаю по еврейски, а так немножко.

Соб. А Вы?

ЧС: Я пополам, мать –еврейка, отец – русский. Я понимаю немножко, я по немецки шпрехала и так понимаю, а так я не очень. Но

Соб. А у Вас дома как говорили, по-русски?

ЧС: С кем? С нами мама говорила по русскому, нас пятеро было. Я одна пока осталась, все повымирали. У меня сестра в Средней Азии еще живет, у нее муж военный из Тульчина, а так все повыезжали. Все повымирали.

Соб. А вот когда Ваша мама вышла замуж за русского, ее папа не ругал ее, что за русского?

ЧС: Он ругал ее, э-э она во время войны думала, что он погиб, отец ее, он остался жив, брата убила. Мать умерла ее тоже. А потом он ее простил, она переехала сюда. Все нормально стало. Но меня ругался всегда, я не знала, что такое праздники, на Дальнем Востоке мать работала по сельскому хозяйству, свою, все кормили свое, свиньи, коровы были, все, огороды большие. А здесь что? Она переехала, 5 детей было, а теперь я одна осталась.

Соб. А он праздники отмечал?

ЧС: Он не отмечал.

Соб. А еврейские праздники?

ЧС: Тут только.

Соб. Ваш дедушка?

ЧС: Дедушка был председатель колхоза, отец был командир воинской части. До Румынии дошел, а там заминировали дорогу, все погибли, там в Луганске есть памятник с фамилией моего отца, это в Гайсине есть, такое местечко небольшое, там военных раньше слишком много было. Там есть подпись, на Дальнем Востоке была подпись моего отца. Там сделали такой большой памятник, односельчане его все. Потом брат уехал у меня, жена его очень хотела в Израиль пое, поехать, мальчик болел, язычка здесь не было. Он болел, болел. Он говорит: «Я его спасу». Я говорю: «Сенька, не едь никуда, у тебя больное сердце». «Нет, Света, ради внука я поехал». Поехал и там за 3 месяца или за 4, у него схватило сердце, давление и он залился кровью в больнице. Там его похоронили и все. Жена даже не написала. Потому что чужие передавали, жена – сволочь, я ему так не хотела, чтобы он туда ехал. Он в пограничных войсках служил 4,5 года, столько службе отдал, такой хороший был, он поехал туда – сердце, климат поменял и все. А я никуда уже не поеду. Уже скоро сюда на Вишенки пойду. Давление, сдохну.

Соб. А Вишенки – это что?

ЧС: Вишенки – это кладбище, там много вишень слишком. Это будет уже [смеется]

Соб. [нрзб, что-то хором] А Вы в каком году родились?

ЧС: Я? В 45. 6 августа.

Соб. А где у вас кладбище?

ЧС: Еврейское?

Соб. Да, еврейское.

ЧС: Там, туда, туда, куда я говорю, там когда-то полигон был солдат, там вишенки много, до кладбища далековато.

Соб. А на старом не хоронят?

ЧС: нет, на старом хоронят только большие шишки. Начальство большое, если там место какое-то забронированное, большие доллары надо, чтобы покупать. Там у меня мать, бабушка лежит, бабушка.

Соб. А Вы туда ходите?

ЧС: Хожу. Вот дочка пойдет, скоро пойдем на кладбище, поедем или пойдем. Но там слишком тяжело подниматься.

Соб. А мы слышали, что нельзя ходить, пока родители живы?

ЧС: А меня родители. Какие родители?

Соб. А вот дочка?

ЧС: А это, она ее вынянчила моя мама, я пошла работать, две – три недели не было, месяца не было, я пошла на работу, ее оставила с ней и пошла на работу. Вот такой попался мне муж хороший. Надо было работать и ребенка воспитывать.

Соб. А у Вас муж русский?

ЧС: Муж, он и сейчас есть. Он у дочки находится.

Соб. Он русский?

ЧС: Украинец. Черныш фамилия.

Соб. А когда Вы ходите на кладбище?

ЧС: В субботу мы не ходим. А так в любой день Перед праздником надо ходить.

Соб. Перед праздниками?

ЧС: да, да. Перед праздниками еврейскими надо ходить, вообще я хожу часто, у меня кроме матери никого не осталось.

Соб. Мы тоже хотели сходить, посмотреть.

ЧС: О! Там красиво. Вот вы придете в воскресенье, может мы и пойдем, я дочку ждать буду или поедем.

Соб. Давайте. А Вы на кладбище что-то с собой берете?

ЧС: на еврейское с собой можно только цветы брать, кушать же не кушают.

Соб. А какие цветы?

ЧС: Можно живые, можно бумажные, больше стоят.

Соб. А в какое время мы с Вами можем поговорить?

[пауза]

Лысенков Шимон Соломонович (ЛШ), 1936 г.р., род. в Жмеринке.

ЛШ: [нрзб.]

Соб. А можете нам рассказать, поподробнее, мы собираем истории из жизни.

ЛШ: Я не грамотный.

Соб. Это не важно. Где вот Вы родились?

ЛШ: [нрзб.] Стреляют из автомата, все было разрушено, здесь ничего не было, у я не знаю, у меня ничего нет. Никого нет. Что я могу сказать?

[пауза]

Соб. Что с вами случилось?

ЛШ: заболел. У меня было общее заболевание. Ладно. [нрзб.]

Соб. А пойдете, сядем.

ЛШ: [нрзб.] Они там советских евреев ненавидят, там советские евреи там, [нрзб.] А Израиль не советское евреи создали, а бог знает, кто. Там арабы. Меня в Израиль не взяли, не. Я не попал. [нрзб.] У меня никого.

Соб. Да, нам интересно.

ЛШ: Такая страна, столько людей погибло.

Соб. А где Вы родились?

ЛШ: Здесь. В Жмеринке.

Соб. Да?

ЛШ: Да.

Соб. А что это за город? Мы там никогда не были?

ЛШ: Город хороший, там же станция, там все идет через Вапнярку. Там, там были бои, бомбили.

Соб. А где лучше в Тульчине, в Жмеринке?

ЛШ: Здесь спокойно. В Жмеринке понимаете э-э там движение поездов, там никогда нету, меня [нрзб.]. Там евреев нет, нет совсем. У меня брат в Москве, в Новогиреево.

Соб. Пойдете туда.

[пауза]

Соб. А когда Вы сюда в Тульчин переехали?

ЛШ: Во время войны с фашистами мы жили в Бухаре, мама работала на военной фабрике, там шили одёжу для фронта. [нрзб.] И там у меня умер отец. Я не помню, [нрзб.]. В школе я учился и заболел головой. Меня вылечили.

Соб. А вот Вы в каком году родились?

ЛШ: В 36 году, мне уже 79 лет, че я вам могу сказать?

Соб. А вот Вы вернулись в Тульчин?

ЛШ: Меня мама привезла.

Соб. А вот Вы где жили вот здесь, когда приехали?

ЛШ: Мы жили на той улице там где, там, как сказать, где автобаза, там машины, там на улицы мы жили.

Соб. А у вас был еврейский дом?

ЛШ: Я еврей, украинский еврей.

Соб. А это как?

ЛШ: Я родился на Украине, я еврей. Шо я вам могу сказать?

Соб. А дом был еврейский или какой?

ЛШ: не еврейский, мазаный, мазаный. Я болел, я никогда хорошего дома не имел, токо вот такой. Мне не хватило на квартиру. Не имел ничего.

Соб. А вот Ваша мама какие-то праздники соблюдала?

ЛШ: Да, я помню, много работала, в возрасте 72 года умерла, умерла,
[нрзб.] Никого не было.

Соб. Ну вот Пасху Вы отмечали?

ЛШ: Я знаю, что сейчас лучше живут, а что я могу сказать? Я не учился.

Соб. А Вы были женаты, да?

ЛШ: Ох, [нрзб.] Сейчас женат, дак где мой жена?

[пауза]

ЛШ: Кому нужен больной с детства.

[нрзб.]

Соб. А где находится кладбище еврейское?

ЛШ: Я не знаю, я не хожу.

Соб. А где у Вас мама похоронена?

ЛШ: У меня брат похоронил, он сейчас живет в Тель-Авиве, их 7 человек, у него там квартира, он похоронил, я не знаю где.

Соб. Вы не знаете где?

ЛШ: Похоронил он.

Соб. Вы не ходите на кладбище?

ЛШ: А шо? А шо я пойду, я не понимаю в религии, я не знаю. Если меня только в интернат, в частный интернат. А там только издеваются. [нрзб.] нет.

Соб. А вот кем были Ваши родители?

ЛШ: Мой отец работал в типографии, если бы он живой, может я бы [нрзб.], он работал в типографии жмеринской.

Соб. В типографии?

ЛШ: да, была война, все помирали, потому что климат не подходит, а мама моя работала на военной фабрике. Все участники войны. Она работала на фабрике.

Соб. А у Вас в Жмеринке был свой дом?

ЛШ: да, но его разбомбили, мы приехали сюда.

Соб. А вы приехали.

ЛШ: Все было разрушено, но я работал тут был завод [нрзб.]

Соб. «Старт»?

ЛШ: Да, я не кончил, не кончил сейчас называется ПТУ, даже не кончил.
[нрзб., едет машина] Шо я могу сказать.

Соб. А Ваши братья и сестры?

ЛШ: Сестра умерла в Бухаре. Там же был фронт, трудовой фронт, шили для фронта фуфайки, вот. Там климат. Это было большое, большое [нрзб.]

Соб. А мы слышали были такие еврейские колхозы?

ЛШ: нет, я не был, я нигде не работал, я работал здесь, пионэры мы были, ходили помогать убирать урожай. А это не знаю.

Соб. А скажите, Ваша мама с Вами на каком языке дома говорила?

ЛШ: Я могу только на русском языке.

Соб. И мама тоже?

ЛШ: Э-э

Соб. Мама говорила на идише?

ЛШ: Ох, может говорила, меня не учила, у меня жены еврейки нет, потому и бедный. У меня сын тоже один живет, тоже никому не нужен, он бедный родился. [нрзб.]

Соб. А то есть, когда смешанный брак – это плохо?

ЛШ: Шо тогда, я родил сына, если, если у русского человека не хочет [нрзб.] Русская девушка [нрзб.] Ну я и говорю [нрзб.]

Соб. А Вы когда приехали, в городе так же было?

ЛШ: все разрушено было.

Соб. Все разрушено?

ЛШ: Даже заминировано, все.

Соб. А старые дома вот там, которые маленькие?

ЛШ: Это уже все построили.

Соб. А там кто жил в этих домиках?

ЛШ: они повыезжали все. Я не знаю, что в этой школе кончали, мои одноклассники, стали большими, стали большими, а я не мог.

Соб. А кто вот в месте с Вами учился?

ЛШ: Стали генералами советской армии даже. Потому что здоровые, сделали карьеру. А я никуда.

Соб. А в русской школе учились только русские или нет?

ЛШ: нет, все.

Соб. Все?

ЛШ: Евреи, русские, украинцы.

Соб. А никто не обижал друг друга?

ЛШ: Я не помню, меня лично никто не обижал.

Соб. А вот нам рассказывали про Могилевского, директора этой школы?

ЛШ: Директор был еврей, по-моему. Я не помню. Я не вступил в комсомол, может мне хоть комнату дали, а то я за всю жизнь квартиры не видел.

Соб. Скажите, пожалуйста, а как Вас зовут?

ЛШ: Ой, фамилия у меня Лысенков, очень распространенная.

Соб. Лысенков?

ЛШ: да, мне еще говорят, что я не еврей, я приехал в Винницу. Почему не еврей? А по паспорту Шимон Соломонович, Шимон – это французское (?) название. По-русски я пишу Семен.

Соб. А, понятно. Шимон – Вас так дома называли?

ЛШ: нет, я если приезжаю мне говорят, что за Шимон? Я уехал в Винницу, чернобыльская, поликлиника чернобыльская, они говорят, что за Шимон?

Соб. А Вы когда получали паспорт, Вы там сами написали?

ЛШ: Как пишется по паспорту фамилия, имя, отчество.

Соб. А Вы не знаете, почему Вас так называли, вот говорят, что

ЛШ: [нрзб.] Немцы бомбили, это такой ужас был, у моей мамы косы горели, это травма, может у меня была контузия и заболел головой. [нрзб.] Немцы сильно бомбили и румыны. [нрзб.]

Соб. А дедушка и бабушка?

ЛШ: Я не знаю, я только маму помню, я знаю, что отец мой умер в Бухаре. [нрзб.]

Соб. А как звали Вашу маму?

ЛШ: ну ее звали Рая.

Соб. Как?

ЛШ: Рая, Рая, Раиса. Она много пережила. Люди не живут вечно. [нрзб.]
Русских 8 миллионов.

Соб. А он младше?

ЛШ: [нрзб.]

Соб. А Вы не помните, как раньше здесь праздники праздновали или свадьбу?

ЛШ: Свадьбы были комсомольские, но у меня свадьбы не было, я родился больной, я болел. Я был пионером, я заболел, свадьбы были комсомольские.

Соб. Понятно, а скажите, а вот Пасху мама праздновала?

ЛШ: Пасха – мацу кушали, я не ем, у меня уже зубов нет.

Соб. А раньше делали мацу?

ЛШ: Запрещены праздники, много поляков здесь жило.

Соб. А мацу делали только на Пасху?

ЛШ: да, только на Паску.

Соб. А как ее делали?

[пауза]

Соб: А нам сказали, что мацу делали из пресного теста?

ЛШ: Я раз получил мацу, так из Америки.

Соб. А мама пекла у Вас мацу?

ЛШ: Я не помню. Я не праздновал. Я знаю, что она за мной ухаживала. Когда я болел, я все помню. Она умерла, люди больше живут. [нрзб. ездят машины]

[пауза]

ЛШ: Жена моя больше знает. Ей 77 лет, она живет на 5 этаже. Я приехал в село, ей все книги порвали.

Соб. Какие книги?

ЛШ: Она библиотекарем была. Там полицаи были.

Соб. А где она живет?

ЛШ: там, где гостиница первый дом, второй подъезд, пятый этаж. Пятиэтажное здание, второй подъезд. Квартира 27.

Соб. А она у Вас еврейка?

ЛШ: нет, она украинка. Она Куваева – отец был Куваев, он русский, а мама была русская. Она по маме пишется. Они не украинцы, Куваев – это чисто русский. Она просто не грамотная.

[пауза]

Соб. А вот, когда Вы женились на русской, Ваша мама ничего не сказала?

ЛШ: Ой, [нрзб.], ой.

[пауза]

ЛШ: Там русских евреев ненавидят, не важно бухарские евреи, из Азербайджана или из Грузии, если русскоязычные, ненавидят, терпеть не могут.

Соб. То есть в Израиле не любят русских?

ЛШ: Да, русских евреев не любят, да. Потому что они культуру русскую и язык, культуру русскую, Пушкина и Лермонтова, а там терпеть не могут. Вот. Они со своей культурой, их даже с работы увольняют. Русскоязычных евреев в Израиле терпеть не могут, они не только русские, из Белоруссии, из Украины, они все русскоязычные считаются.

Соб. Их могут с работы уволить?

ЛШ: С работы, образование смысла не имеет, карьеру им делать не дают. Марокко или йеменские евреи им лучше, они с черной кожей, из Африки, им лучше. А евреев русскоязычных терпеть не могут. В Израиле [нрзб.], я патриот.

Соб. А Вы не хотели уехать в Израиль?

ЛШ: Я хотел поехать, но [нрзб.], сняли.

Соб. Давайте, чаю попьем.

[пауза]

ЛШ: [нрзб.], хотели вернуться в Россию.

Соб. То есть многие из Израиля хотели вернуться в Россию?

ЛШ: Я не знаю, но там говорили, но они хорошо, русский язык не забывают. Там даже их язык идиш этот, а там Иврит, и вот чтоб они разговаривали на Иврите, а не разговаривали на идише. В общем, это так, русскоязычные евреи – козлы отпущения. Вот там арабы, арабы им плохо делают. Так. Но из Австралии, из Новой Зеландии – им лучше.

Соб. И на идише в Израиле тоже не разрешают говорить?

ЛШ: не разрешают, только Иврит. Только Иврит. И русскоязычных там [нрзб.], русскоязычные евреи – козля отпущения, над ними издеваются только. Даже богатые, в общем делать карьеру не дают. [нрзб.].

Соб. А кто там из евреев все-таки занимает лучшее положение?

ЛШ: Кто там родился и даже из Дании, из Италии, пожалуйста, даже евреи в Йемене есть, если они чернокожие, черные евреи, им лучше, русскоязычные евреи, из травят, терпеть не могут.

Соб. А здесь как к евреям относятся?

ЛШ: А в Тульчине никто [нрзб.].

Соб. А в принципе не обижали никогда?

ЛШ: Ой, полицаи издевались над евреями, помогали фашистами, а другие спасали. Я здесь не был. Меня привезли в 48 году. Мне было 12 лет.

[пауза]

Соб. Нам интересно.

ЛШ: Я плохо помню. Я раньше газеты покупал.

Соб. А где Вы сейчас живете?

ЛШ: Я сейчас далеко живу, там где суд. [нрзб.].

Соб. Спасибо Вам большое.

